

В. Я. Петрухин*

ЮГРА В КОНТЕКСТЕ НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЮГРА ИЛИ УГРА** в Зауралье, историческая область, являющаяся естественным и постоянным объектом исследования историков УрГУ¹, представляла особый интерес и для первого русского историка. Пространство от Дуная до Зауралья оказывается предметом описания Начальной русской летописи – «Повести временных лет» (ПВЛ). Дунайский регион был известен летописцу, благодаря одному из источников космографического введения к ПВЛ и перечня народов Европы – «Сказанию о преложении книг на словенский язык», основанному на «дунайской» (моравской) кирилло-мефодиевской традиции². Этому «Сказанию» были известны народы Центральной и Западной Европы – летописца же интересовала, в первую очередь Русская земля, ее происхождение и место среди народов Европы Восточной, равно как и то, каким образом Русская земля стала наследником словенской письменности – моравской традиции: ведь язык, на котором составлялась летопись, был языком, созданным Константином-Кириллом и Мефодием. Летописец должен был сопоставлять данные о происхождении Руси, которые он черпал из княжеского киевского предания, с данными своих источников о дунайской истории славян. Поэтому списки народов, в контекст которых включалась начальная *русь* и *угра*, имели сложный характер. Это демонстрирует уже первый летописный список восточноевропейских народов: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци, меря, мурома, весь, мордъва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, *угра* (в Ипатьевском списке – Югра: ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. 4), литва, землигола, корсь, летьгола, любь»³. Очевидна тенденция, объединяющая народы этого перечня: описание идет с запада – Балтики – на восток к Зауралью, ибо русь в этом перечне – еще та доисторическая русь, которая сидит, по летописи, на Варяжском (Балтийском море) среди других варягов. Чудь – предки эстонцев, прибалтийские финны: так славяне в процессе колонизации Восточной Европы называли «чужие» им, в отличие от родственных балтов, финские народы. Показательно, что именно *угра* оказывается порубежным в этом списке, между финнами и балтами: при этом, ямь, упомянутая перед угрой, это Хяме – племенное объединение прибалтийских финнов; летописец в соответствии с хорографическим принципом возвращается туда, откуда он начал описание

* Петрухин Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории России Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

** Здесь и далее курсив автора (*Ред.*).

¹ Важным направлением этих исследований представляется подготовка учебных пособий, включающих характеристику древнейшего периода региона: История Ханты-Мансийского округа с древности до наших дней. Учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редина. Екатеринбург, 1999; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века. Хрестоматия / Общая редакция, предисловие, комм. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. Екатеринбург, 1999.

² См.: Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Т. IV. С. 5–150; Флоря Б. Н. Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. Т. 46 (1). 1985. С. 121–130.

³ ПВЛ. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 8.

группы финских народов – к Варяжскому морю⁴. За упоминанием угры следует перечень балтских народов, литвы и латышей, к которым примыкает прибалтийско-финская либь – ливы, действительно живущие по соседству с латышами.

В это перечне нет славянских народов – ведь они, в соответствии с концепцией летописца и «Сказания о преложении книг» пребывают еще на дунайской прародине. Отсюда лакуна в списке: летописец «перескакивает» от прибалтийской чуди прямо к верхневолжской мере, опуская живущих между ними словен и кривичей. Об их расселении говорится ниже: словене с Дуная достигают земель чуди, Ильменя и Волхова, основывают на Ильмене Новгород. Соответственно приводимый вслед за рассказом о расселении славян список неславянских народов – «иных языков», которые дань дают Руси, под каковой подразумевается уже государство в Восточной Европе – Русская земля, практически идентичен первому, за важным для нас исключением – в нем отсутствует *угра*⁵.

Начальная летопись составлялась в Киеве на рубеже XI и XII вв. один из ее редакторов, которому приписывается обычно последняя редакция ПВЛ, записал знаменитый рассказ, помещенный под 1096 г. и услышанный им в Ладоге от новгородца Гюряты Роговича, который послал своего отрока – дружинника, собирающего дань в Печеру – к людям, платящим дань Новгороду. Этот не вполне определенно идентифицируемый по современным данным финский народ на р. Печоре (?) в Приуралье, жил на пути отрока в Югру. Характеристика Югры выглядит несколько противоречивой в этом летописном рассказе: «Югра же людье есть язык нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах»⁶. Из текста очевидно, что Югра располагается за Печорой и простирается до самодийской тундры⁷. Присутствие там отрока-данщика свидетельствует о том, что она в начале XII в. (при составлении последней редакции летописи) платит дань Руси (точнее – Новгороду). Продолжение же рассказа свидетельствует о том, что язык Югры уже не был «нем» (непонятен) отроку, ибо Югра рассказала ему о некоем чуде, виденном в горах доходящих до океана (Лукоморья) и достигающих неба: традиционный мотив обско-угорской (манси) мифологии. В них слышен «клик великий и говор», заключенные в горах стремятся «высечься» из заточения; им удалось даже прорубить малое оконце, и они говорят что-то оттуда, но языка их понять нельзя. Тогда они показывают на железные изделия и знаками просят железа, если кто подает им секиру или нож, взамен они дают меха. Путь к ним непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, и не все из Югры могут добраться до загадочного народа, хотя путь к ним и ведет дальше на север (полночь)⁸.

Русский книжник, слышавший это рассказ новгородца, сразу понял о каком народе идет речь. На Руси популярно было «Откровение», приписываемое Ме-

⁴ См. из последних обзоров летописных известий: *Клима Л.* Финно-угорские народы в России в Средние века, 859–1118 гг.: финно-угры и самоеды на страницах Повести временных лет // *Славянский альманах* 2006. М., 2007. С. 43–60. Венгерский автор упускает упоминание Угры/Югры в космографическом введении к ПВЛ: гапакс *югриги* упоминается в рассказе о начальной русской истории поздней Устюжской летописи (ПСРЛ. Т. 32. С. 18). Составитель Устюжского свода использовал Новгородскую летопись, в которой говорилось, что Аскольд и Дир, обосновавшиеся в Киеве, «беша ратнии с Древляны и с Улици» (НПЛ. М.; Л., 1950. С. 106); этноним *уличи* не был ему понятен, и составитель заменил его на близкий «югричи».

⁵ ПВЛ. С. 10; *Клима Л.* Указ. соч. С. 54.

⁶ ПВЛ. С. 107.

⁷ Об отношениях народов самодийской и угорской семей см.: *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.

⁸ ПВЛ. С. 107–108.

фодию Патарскому, о диких и нечистых народах Севера, которые запер в горах на краю мира Александр Македонский. Эти (библейские) народы Гога и Магога вырвутся из заточения перед концом света. Правда, для библейской традиции окраинными северными горами был Кавказский хребет, а с Гогом и Магогом ассоциировались воинственные степняки – гунны и другие; неслучайно сам рассказ Гюряты продолжает в летописи повествование о набеге нечестивых половцев на Киев.

Интересно, что в космографическом введении к ПВЛ Кавказские горы ассоциируются с Угорскими, т.е. Карпатами, «Венгерскими горами»: Иафету были даны «полнощные страны» до Понта (Черного моря), Дуная, Днестра и по «Кавкаисинския горы, рекше Угорьски». От этого рубежа летописец возвращается на запад к Днепру и прочим рекам – Двине, Волхову, Волге, которая течет на восток, в часть Симову⁹. Нет ли здесь ассоциации с Югрой (угрой), не служили ли Кавказские горы в представлении летописца началом той северо-восточной границы, к которой принадлежал Урал и за которой пребывали «дивии народы»? Действительно, летописец ссылается на «Откровение» Мефодия Патарского, располагая Етривскую пустыню, откуда выходят степняки – торки, печенеги и половцы, «между востоком и севером»¹⁰; то же «Откровение» он привлекает, когда приводит рассказ Гюряты Роговича о Югре, чей язык «нем»¹¹. В описании летописца Александр столкнулся с «нечистыми» потомками Иафета на востоке, но загнал их в полнощные страны, в высокие горы, проход же затворил медными воротами.

Исследователи¹² давно обратили внимание на топоним «Югринский переход», ведущий по реке Югре (в водоразделе Печоры и Сосьвы) на азиатскую сторону Урала. Неясно, однако, к какому времени относится эта топонимика¹³. Проблема горной границы, отделяющей Европу от Азии, волновала античных и средневековых географов, в частности, Равеннского Анонима. Он настаивал на том, что Танаис (Дон), берущий начало в Римфейских горах (Рифейские /Рипейские горы античной географии – Урал), отделяет Европу и Азию. Те же, кто считает, что граница – река Фасис (Рион в Колхиде), а «Кавказские горы... образуют большой изгиб на огромном расстоянии и соединяются с Римфейскими горами», ошибаются¹⁴.

Трудно сказать, следовал ли летописец напрямую этой «ошибочной» античной традиции, при том, что собственно Уральские горы им не отмечены, а Угорская земля известна ему на Дунае. Упоминание их содержит византийская хроника Георгия Амартола, которую использовал летописец, но не в космографической части, а в связи с упоминанием «чистых» народов – «гипербореев» (которых славянский переводчик воспринял как обитающих «выше востока»¹⁵), живущих «выше Рипейских гор») и брахманов. В космографической части, которую цитировал в начале «Повести временных лет» летописец, перечислены причерноморские области, расположенным между Кавказом и Карпатами – от Колхиды

⁹ ПВЛ. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 98.

¹¹ Там же. С. 107–108.

¹² Клима Л. Указ. соч. С. 55.

¹³ Напольских В. Йигра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум № 3. СПб., 2005. С. 257.

¹⁴ Ср.: Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 190; Литаврин Г. Г. Византия. Болгария, Древняя Русь. (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 283–285.

¹⁵ Матвеев В., Щеголева Л. Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Л. 157⁶. С. 393.

до Фракии. Летописца интересовали более северные регионы, и он использовал собственные источники, попутно отождествив Кавказ и Карпаты (?).

Не только славянские книжники должны были совмещать восток и север в полулегендарных раннегеографических описаниях: в середине IX в. Саллам Переводчик был направлен халифом к «стене Гога и Магога», но отправился он не просто на север, к кавказским «Железным воротам» у Дербента, хорошо известным арабам после арабо-хазарских войн, а далее на восток к Великой китайской стене¹⁶.

Рассказы о «людях незнаемых» в «восточной стране» за Полярным кругом, «между севером и востоком», были характерны и для русской традиции вплоть до средневековой эпохи (XVI в.) и увязывались с мотивами «Александрии»¹⁷. Распространены были и рассказы о «немой» меновой торговле.

Испано-арабский путешественник XII в. ал-Гарнати рассказывает, что он слышал о земле, расположенной за страной веси (Вису): «А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем – большое животное – говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет каждый купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары»¹⁸. Речь у ал-Гарнати идет уже о болгарских купцах, а вису-весь платит дань Волжской Болгарии. Действительно, Русь и Волжская Болгария соперничали из-за пушных рынков. Недаром в Начальной русской летописи говорится что «весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера» – народы, обитающие между Болгарией и новгородской Русью, дань дают Руси. Югра летописи и Йура ал-Гарнати и других восточных авторов¹⁹ означают пограничные области податных территорий, еще овеванные легендами, связанными с краем ойкумены. Эти народы пребывают за горной границей, в Зауралье, за «воротами Александра»²⁰. Мотив «ворот Александра», из которых стремятся «высечься» запертые народы, объединяет «угорский» Урал и Кавказ (Каспийские горы) библейской традиции²¹.

Когда начались контакты Руси и Югры, засвидетельствованные ПВЛ на рубеже XI и XII вв.? Характерно, что летописный рассказ о народе с «немым языком» был передан в Ладоге. Этот древнейший городской центр на Северо-Западе

¹⁶ Хенниг Р. Неизвестные земли. М., 1961. Т. II. С. 180–196.

¹⁷ Белова О. В., Петрухин В. Я. «Человек незнаемый в восточной стране»: Ориген за Полярным кругом в древнерусской традиции // «Индрик». 10 лет. М., 2003. С. 138–148.

¹⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати / Публ. О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 32.

¹⁹ Ср. сходное описание немой торговли Йугры у ал-Бируни: Беговатов Е. А. Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране вису и йура // *Finno-Ugrica*. № 1 (3). Казань, 1999. С. 31–32.

²⁰ К проблеме пребывания угров-манси в Приуралье ср.: *Напольских В.* Указ. соч.; *Матвеев А. К.* Указ. соч. С. 239–246.

²¹ Ср.: *Anderson A. R.* Alexander's Gates, Gog and Magog and Inclosed nations. Cambridge (Mass.), 1932; Книга странствий. Азбука средневековья / Пер. Н. Горелова. СПб., 2006. С. 28–30.

Руси был и центром контактов славянского (русского) и финно-угорского миров. В самой Ладоге обнаружены вещи как славянского, так и скандинавского, балтского, и, естественно финно-угорского происхождения, включая находки из Прикамья и Приуралья, в том числе датируемые уже концом 1 тыс. н. э.²²

Особым памятниками, хранящими свидетельства контактов Руси с населением угро-самодийской зоны, являются святилища на острове Вайгач и Югорском полуострове, содержащие вещи древнерусского происхождения, в том числе христианские амулеты: нательные кресты, привески в виде архангела Михаила и святого всадника, равно как и иные амулеты: топорики, антропоморфные привески без особых оснований атрибутируемые как изображение Перуна²³. Находки датируются XI–XII вв. и могут свидетельствовать не только о торговых и культурных контактах, но и о миссионерских усилиях в этом регионе. Считается, что святилища, содержащие эти жертвенные предметы, функционировали до появления в регионе самодийского населения, т.е. принадлежали летописной Югре²⁴.

Однако наиболее яркой среди археологических находок, очевидно характеризующих даннические отношения Руси с народами финно-угорского Севера является серия трапецевидных привесок с княжескими знаками, датирующаяся в целом XI в. Они могли принадлежать княжеским данщикам – собирателям дани. Замечательна топография этих находок. Они найдены в основных столичных центрах Руси – Киеве и Новгороде, в одном из узловых центров государственности X в. – Гнёздове на Верхнем Днепре, в Прикамье (Рождественский могильник на р. Обва, Пермская область), у ливов, у мордвы, в Приладожье и др. пунктах²⁵. Находки отмечают крайние пункты, где обитали народы, «иже дань дают Руси». Ранней привеской оказывается как раз пермская из Прикамья: на одной стороне изображен трезубец – княжеский знак, на другой – скандинавский молот Тора, свидетельствующий о принадлежности привески еще к архаической варяжской руси²⁶. Исследователи спорят о принадлежности погребения, в которой найдена привеска, русскому или болгарскому купцу²⁷. Существенно, что путь на Печору и в Югру шел через Пермскую землю²⁸.

Заметим, что другие, в частности, ливские привески, явно принадлежат представителям местного населения, видимо, участвовавшего в сборе дани. Подобные отношения были установлены между новгородцами и Югрой к концу XII в.: когда в 1193 г. новгородская рать воеводы Ядрея осадила Югру в одном из ее приуральских городков, последняя выслала своих мужей для переговоров, обе-

²² Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 83–90; Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002.

²³ Показательно, что эти привески производились в Новгороде для финно-угорских окраин, судя по их находкам в Прикамье и Приобье.

²⁴ Ср.: Хлобыстин Л. П. Святилища острова Вайгач // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 164–169; Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 34–36.

²⁵ Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 243–319.

²⁶ В Салехарде на территории «самояди» хранится скандинавская овальная фибула середины X в.: правда, место ее находки неизвестно (Маршак Б. Сокровища Приобья. СПб., 1996. С. 164).

²⁷ См.: Белецкий С. В. указ. соч. С. 258.

²⁸ Клима Л. Указ. соч. С. 54.

шая собрать серебро²⁹ и соболей «и иное узорочье», если новгородцы «не погубят «своих смердов и своей дани». Сама же Югра собрала войско и перебила новгородцев, чему способствовал новгородский изменник, призывавший югорского князя к этой расправе³⁰. Эпохе обычных для даннических отношений конфликтов³¹ предшествовала эпоха этноязыковых контактах, о которых мы можем судить по самому имени *Югра*: очевидно, что первоначальным посредников в этих контактах была летописная *пермь*, коми, ибо русское наименование восходит к коми *jegra*, обозначению манси³².

Показательно в связи с этим и омонимичное древнерусское и праславянское обозначение венгров – *угра*, *угры*: оно восходит к тюркско-болгарскому обозначению союза племен *оногур* («десять стрел») ³³.

Замечательно, что совпадают не только названия Югры, Угры и угров, данные им «извне» славянами, но и самоназвания этих народов³⁴: самоназвание венгров: мадьяр родственно самоназванию обских угров-манси³⁵. Угры-венгры в IX в. еще кочевали в причерноморских степях, будучи вассалами хазар и собирая дань со славян; их культура была схожа с хазарской, недаром греки (Константин Багрянородный) именовали их турками. Памятники восточноевропейских венгров в степи выделяются по преимуществу по их связям с архаичной культурой венгров на новой дунайской родине и предполагаемой культурой прародин в Прикамье – регионе, примыкающем к летописной Югре (металлические погребальные маски и шумящие коньковые привески)³⁶.

Миграция и походы венгров на запад во многом предопределяли продвижение варяжской руси по рекам Восточной Европы в IX в., прежде всего – по Днепру (через пороги). Это было известно летописцу, который прямо увязывал водворение Олега в Киеве в 882 г. с продвижением венгров-угров мимо Киева, где их вежи стояли на урочище Угорском, в Угорскую землю. Заметим, что венгры с союзными хазарскими племенами (каварами) совершили рейд в Центральную Европу к Вене тогда же, в 882 г. (Бертинские анналы). Летописец пристально интересовался событиями в Центральной Европе и описал под 898 г. вторжение туда угров, достигших Солуни-Фессалоник; это позволило ему хоть и анахронистически, но ввести в исторический контекст рассказ о миссии солунских братьев – Константина и Мефодия³⁷. Пространство начальной русской истории простиралось, таким образом, от зауральской Югры до Угорской земли в Подунавье.

²⁹ Серебро действительно накапливалось в Югре, начиная с эпохи Великого переселения народов, благодаря традиционной торговле мехами (ср.: *Маршак Б.* Указ. соч.; *Бауло А. В.* Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004).

³⁰ НПЛ. С. 323.

³¹ Ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 102–103.

³² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 4. С. 527; ср.: *Напольских В.* Указ. соч.

³³ Ср.: *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 65–66; *Фасмер М.* Указ. соч. Т. 4. С. 147.

³⁴ *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 132–133.

³⁵ Угорская общность (венгры, ханты и манси) существовала задолго до выделения венгров: ср. формулировку проблемы: *Хелимский Е. А.* Указ. соч. С. 59–61; *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. С. 191 и сл.

³⁶ Ср.: *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2. 1982. С. 156–168; *Супруненко А., Кулатова И., Приймак В.* Венгерское погребение с юга Полтавщины // *Finno-Ugrica*. № 1 (3). С. 24–27.

³⁷ *Петрухин В. Я.* Хронотоа «Сказания о преложении книг на словенский язык» // *Реката на времето. Сборник в памет на проф. Людмила Боева.* София, 2007. С. 71–77.